

Вера Бутина. Харбин, 1944

**ВЕРА БУТИНА:
«В ПАМЯТИ ВСПЛЫЛИ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО...»**

Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами

Сама не пойму, почему мне захотелось рассказать о Ханькоу*. Это город в центре Китая, в четырех-пяти днях пути на пароходе от Шанхая, последний порт, до которого могли доходить океанские суда. Дальше шли другие корабли тех же компаний — Баттерфилд, Драфдайн, с плоским дном, чтобы проходить через узкие протоки. Здесь находилась русская концессия — один из центров русско-китайской торговли. Несколько русских компаний — до десяти в лучшие времена — торговали с Китаем, в основном, чаем. Хозяева проводили полгода в Китае, полгода в России. Работали преимущественно родственники и знакомые, как и в моем случае — среди родственников по маминной линии были очень состоятельные купцы, торговавшие чаем по всей России. В Казани наша семья имела контору и дом. Младший брат моего дедушки, доктор, жил в Самаре. Ему тоже пришлось приехать в чайную компанию в Ханькоу. Он повел дела — и очень хорошо, к концу войны он остался единственным, кто мог помогать всем членам семьи, которым удалось так или иначе сбежать из России.

* Ханькоу (Ханьчжоу) — город в провинции Хубэй на среднем востоке Китая. Слившись с городами Учан и Ханьян, образовал город Ухань, один из крупнейших экономических центров Китая. — *Здесь и далее прим. авт.*

До 1917 года русской школы в Ханькоу не было, поэтому дядя послал свою дочь на семь лет в Самару, в дом моей бабушки, учиться. Когда она закончила школу и уехала в Ханькоу, как раз тогда произошла революция, и в нашей семье произошел разрыв — мои родители разошлись. Сначала я была с матерью, потом — эвакуация в Омск (с Колчаком), меня отдали отцу, пока, в конце концов, дядя с дочерью не пригласили меня в Ханькоу. Я поехала на экспрессе Омск-Харбин. Меня встретили дядины друзья, и дальше мы три дня ехали в Пекин, но в разных вагонах — мне было ужасно страшно! В Пекине уже я встретила с дядей. И еще три дня на поезде до Ханькоу... Помню, после приезда недели три я очень болела — думаю, просто такое долгое путешествие оказалось слишком тяжелым для девятилетней девочки.

А потом я пошла в замечательную школу — двухэтажную, специально выстроенную из расчета на семь классов, для детей с 7-8 до 14-15 лет. В каждом классе было обычно 2-3 ученика. Школу основали в 1916-1917 гг. «в память освобождения крестьян 19 февраля». Новое здание построили за счет русского самоуправления. Из России пригласили двух учителей — Алексея Денисовича Филиппова и Ивана Сергеевича Наумова. Они уже работали там, когда я приехала в 1919 году. Позже Наумов

с семьей переехал в Австралию, тогда пригласили моего отца, и он преподавал в школе два года, в 1925-1927-м. Три постоянных учителя, уроки английского — каждый день, а также рисование, вышивка, гимнастика... Занятия шли с 8-30 до 12-30 и с 14-00 до 16-00. Летние каникулы длились четыре месяца — слишком жаркое время, дети и женщины отправлялись в горы.

Русский клуб, школа (при общей численности русской общины около ста человек каждый год в школу ходило 15-20 учеников), несколько компаний, работники каждой старались держаться вместе. Когда я приехала, мне сказали: «Есть такая девочка Нина, ты с ней играй, а у другой девочки, Маруси, папа в другой компании, поэтому ты будешь ходить к ней только на именины и на рождественскую елку». Кстати, замечательный обычай — каждый дом, в котором были дети, устраивал праздник, и раз в году на две недели наш «обычный распорядок» отменялся. В школе стояла большая рождественская елка, все дети получали подарки. Иногда, если бывало достаточно актеров, ставили пьесу (на моей памяти это было дважды).

Для старших был международный Русский клуб: каждый вечер музыка, по субботам танцы, по воскресеньям концерты классической музыки. В Русском клубе обычно собирались мужчины. Клуб находился довольно далеко, общественного транспорта не было, но они всё равно заходили туда поиграть в домино и выпить. А женщины? Бесконечные карты, пасьянсы и покер. Женщины занимались домашними делами (имели множество слуг), растили детей, выходили замуж — многие «кузины» приезжали специально, чтобы выйти замуж.

Эти русские не чувствовали себя эмигрантами, беженцами — они приехали в Ханькоу, чтобы быть со своими

семьями, чтобы работать и зарабатывать. Среди них встречались очень состоятельные люди.

Когда я просматривала в очередной раз свои старые фотографии, на глаза попало несколько снимков — и сразу в памяти всплыли образы прошлого. Немолодая женщина в старомодной русской «боярской» одежде, Елизавета Николаевна Литвинова. Мне следовало бы сказать — «Ее Величество», в разговорах о ней часто говорили «Сама», «Она» (сказала, сделала...) Конечно, Елизавета Николаевна была в своем роде уникальна, поэтому мне и захотелось о ней рассказать.

Вот вкратце история этой женщины. Ее день рождения — 29 августа (у моего дяди — 30-го). И в 1926 году состоялось большое празднование шестидесятилетия Елизаветы Николаевны. Значит, она родилась в 1866 г. В дни ее молодости железной дороги через Сибирь еще не существовало, и даже перед Японской войной долгое путешествие в Китай совершалось на тройках через Монголию, с остановками на постоянных дворах. На одном из таких дворов цыганка гадала молодым девушкам о будущем и предсказала Лизе, что «скоро она выйдет замуж, уедет очень далеко, будет жить, как царица, и всю семью чаем поить». Надо сказать — в те дни чай был большой заграничной роскошью. Конечно, девушки только посмеялись в ответ. Однако... то ли в тот же день, то ли на следующий, пожилой мужчина — богатый купец — остановился на ночь у них на дворе. Увидел Лизу, влюбился, женился и увез ее в Китай — в Ханькоу. Он владел огромной чайной плантацией, фабрикой, ему принадлежала почти половина русской концессии (в Пекине было русское посольство, а в Тяньцзине и Ханькоу — концессии). Фамилии его не помню. Я бы вспомнила, если бы услышала, но при мне о нем

Ханькоу, 1920-е годы

Русская школа в Ханькоу

Елизавета Николаевна Литвинова

уже никто не вспоминал. Когда он привез свою невесту в Ханькоу, Лиза оказалась единственной русской женщиной среди русских купцов и служащих — она была королевой. Но муж ее вскоре умер. Елизавета Николаевна стала самой богатой дамой, решила не возвращаться на родину (кажется, она была из Кяхты) и очень скоро вышла замуж за человека, который по богатству был вторым после нее, — Семена Васильевича Литвинова. И тогда она заблестала на местном небосклоне, стала настоящей царицей.

Когда в 1919 году я приехала в Ханькоу, фирмой «С.В. Литвинов & К^о» управляли два партнера — мой дядя Унженин и Христофор Мартынович Бензема. Литвиновы — муж и жена — уехали в Москву и там застряли (в связи с революцией). Шли бесконечные споры о том, как им помочь. В конце концов, Бензема, который был уроженцем Аляски и поэтому имел американское гражданство и паспорт США, отправили в Европу — это два месяца пути на корабле через Индию и Суэц. Два-три года он отсутствовал, вел переговоры в Москве и Англии. Помню только, упоминалось имя «Молотов». И в конце концов, за значительную сумму денег московское правительство разрешило Литвиновым выехать в Китай. С ними поехала сестра Елизаветы, Раиса Николаевна Ядрышникова, с дочерью Еленой Александровной. У Елизаветы Николаевны никогда не было своих детей, племянница Елена стала ее наследницей и почти что приемной дочерью.

Они приехали в Ханькоу в 1923 году. Помню, как меня повели «представить». Раз в неделю получали от них приглашение на чай с пирожками, в воскресенье, после службы, — это означало распоряжение прийти.

Литвиновы владели одним из немногих в Ханькоу автомобилей. Машин

здесь всегда было мало — захолустье, «некуда поехать».

Еще несколько лет фирма Литвиновых продолжала существовать, у владельцев не угасала надежда, что в России «всё наладится». Большая часть русских, как и в других чайных компаниях — Молчанова, Наквашина, Син-Тай-Григорьева — продолжали ждать. В конце концов, некоторые стали вести дела с европейскими фирмами.

Тем временем Елизавета Николаевна приняла на себя руководство русской церковью, находившейся в ведении российского посольства в Пекине. Церкви принадлежал обширный земельный участок, на нем располагался дом священника. Дом был полностью перестроен, стал четырехэтажным. В нем разместились квартира для священника, другая, поменьше, — для прислужника (наверное, дьяка, помню фамилию этого человека — Яковлев), а также две маленькие квартиры для сдачи в аренду, чтобы содержать здание. Церковь получала официальную поддержку со стороны нескольких чайных компаний. Каждый год избирался староста.

Мужа Литвиновой я помню как пожилого мужчину с тростью, он всё время оставался как-то на заднем плане. Не хотел ликвидировать фирму, всё ждал, что в России дела «наладятся». Конечно, он был убежденным монархистом. Умер примерно в 1925-1926 году. Я жила в то время в Харбине. После смерти мужа Елизавета Николаевна стала действительно «Ее Величеством». Епископы из Харбина и Маньчжурии (Иоанн, Нестор и др.) наезжали к ней в гости, и довольно часто. «Она» была очень щедрой. У нее гостили русские генералы — Бурлин, Лебедев. Она переписывалась с Великим Князем Николаем Николаевичем, жившим тогда на юге Франции.

О ее внешности следовало сказать с самого начала. Будучи высокого роста,

Елизавета Николаевна не любила короткие платья, которые носили в то время. Она решила одеваться по-своему, в старомодный русский сарафан, кокошник и т.д. Понятно, что такой наряд привлекал внимание на улицах. В 1925 году я поехала в Харбин, чтобы доучиться в последнем классе восьмилетней гимназии. Литвинова с сестрой и племянницей была в то время в Шанхае, и я остановилась у них на две ночи в отеле «Палас», в ожидании прибытия корабля Шанхай–Дайрен*. Помню, как мы шли по Нанкинской дороге и все прохожие глазели на нас.

Еще помню, в Ханькоу, когда моя двоюродная сестра лежала в больнице, случился большой переполюх: приехал епископ Нестор с Литвиновой, оба в длинных черных одеяниях.

Литвинова всегда относилась ко мне очень хорошо, так же как и к моему отцу. Вот пример. По-видимому, Елизавете Николаевне показалось, что брат и сестра моего отца не уделяли ему того внимания, какое он заслуживал. Приближались папины именины — день архангела Михаила. Надо сказать, тогда для русских именины были гораздо важнее, чем день рождения. Годом раньше (я жила тогда в Харбине) папины именины вообще никак не отмечались, но в 1926 году Елизавета Николаевна объявила: «Я приду к Михаилу Михайловичу на именины». Эти несколько слов совершенно всё перевернули — было большое празднование.

В конце концов, в 1926-1927 годах фирму Литвинова начали ликвидировать. Всем нужно было искать новую работу. Бенземан уехал в Соединенные Штаты. Мой дядя, Унженин, с женой и сестрой в 1930 году переехал в Париж.

* Японское название китайского города Далайнь.

Елизавета Николаевна продолжала жить в Ханькоу. Ее брат, Аркадий Николаевич, с дочерью Александрой переехал к ней в 1933 году из Англии. Не знаю, сколько они жили там, в Англии, на ее деньги, но в конце концов любящая сестра решила, что — всё, хватит, больше никаких денег посылать не станет. Тогда брату пришлось приехать, чтобы «помогать управлять имением».

Не знаю, какое состояние у нее осталось к концу жизни. В годы моей молодости, казалось, она владела всей русской концессией. Принадлежавшее ей здание на берегу реки Бунд сдавалось в аренду американскому консульству, а ее фабрика занимала целый квартал.

В 1926 году племянница Литвиновой вышла замуж за служащего Русско-Азиатского банка Петра Самсоновича Иванова. Елизавета Николаевна продолжала жить с сестрой Раисой, а когда та умерла — с домоправительницей Анной Федоровной Пименовой. Во время китайской гражданской войны, когда бывшее российское консульство пострадало от китайских и японских бомбардировок, дом моей тети, Елены Михайловны Унжениной, был разрушен бомбой, и она жила у Литвиновой. Я слышала, что бывший учитель нашей школы Филиппов (который в свое время отнюдь не считался «близким» другом) и его жена тоже жили у Литвиновой. Очевидно, Елизавета Николаевна предоставляла кров всем русским, потерявшим жилье.

Елизавета Николаевна была внимательной, заботливой, но при этом избалованной любовью и властью, которую ей принесли ее мужья и огромное богатство. Конечно, ее «царством» была, прежде всего, русская часть Ханькоу. Кроме того, летняя резиденция — курорт Русская Долина, китайский Люлин (район Кулина). Кулин китайские власти

предоставляли иностранным миссионерам в качестве летней резиденции, а Люлин, когда я только приехала, принадлежал пекинской русской православной миссии. Школа закрывалась на каникулы с 1 июня до 1 октября, и семьи уезжали в Люлин, в горы. Когда Литвиновы вернулись из России, они выкупили участок Бенземана, который уехал в Америку. На этом участке на теннисных кортах был небольшой летний домик. Елизавета Николаевна переделала его в православную церковь. Приглашали священников и епископов (помню, епископ Нестор приезжал несколько раз), по выходным и праздникам они проводили службы. Всем разрешалось приходиться к церкви на ее участок, и, конечно, после службы те, кого она знала — и одобряла, — приглашались «на пирожки».

В последний раз я видела Елизавету Николаевну в 1939 году в Харбине — она приезжала на лето к своей племяннице Елене Александровне.

Когда в 1959-м я переехала в Сан-Франциско, там была целая группа из Ханькоу, некоторые меня помнили маленькой девочкой, которая сначала жила с дядей, потом уехала с отцом в Харбин... В Сан-Франциско я встретила племянницу Литвиновой, Е.А. Иванову. Я посетила ее один раз в Беркли. Несколько раз встречались с общими

друзьями, но в памяти как-то не отложилось рассказанные подробности кончины Елизаветы Николаевны. Кажется, она умерла около 1950 года в Ханькоу. Это было как раз время гражданской войны в Китае, когда «красные» приходили к власти.

Что там теперь? Сегодня, вспоминая обо всем, не знаю, сохранилось ли хотя бы кладбище? Возможно, да, так как китайцы вообще уважительно относятся к могилам. Вполне вероятно, я могла бы встретить там знакомые имена, но большинство наших родственников похоронены в разных местах по всему миру.

Сейчас Ханькоу называется «Ухань». В мое время так называлась часть города, прилегающая к тому району, где находились иностранные концессии. Я там гуляла с друзьями, что-то вроде экскурсии, раз или два.

Теперь китайцы, конечно, хотели бы забыть, что часть города принадлежала британской концессии. Потом вдоль реки Бунд поселились русские, французы, японцы, все со своими национальными флагами, со своим колоритом. Последними были французы. Русская часть была отдана Китаю во время китайской гражданской войны в 1927 году. Тогда отец решил вернуться в Харбин, и у меня был выбор — оставаться в Ханькоу или уехать с ним...

*Перевод с английского
Егора Фалёва*